

Кажется, мы оба врём

Ника Лунара

18+

Ника Лунара

Кажется, мы оба врём

<https://litres.ru/74443319>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дэн сказал: «В Кривых Берёзках нормальные девки водятся». И даже нарисовал в красках девушку с косой и коромыслом.

Ярослав решил проверить. Ему всё равно нужно выполнить ультиматум отца: найти девушку, которой не интересны его деньги. Поэтому он едет в деревню, снимает комнату у бабы Нюры и устраивается на пилораму.

Алина тоже выбрала Кривые Берёзки. Только ей здесь нужно совсем другое: спрятаться от светской жизни и навязанных богатых женихов. Она активно играет роль обычной девушки без денег и статуса.

Вот только жизнь решила пошутить и столкнула их друг с другом.

Теперь главное — не выдать себя.

Куда заведёт их двойная ложь, если оба отчаянно врут?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	16
Глава 3.	23
Глава 4.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ника Лунара

Кажется, мы оба врём

Глава 1.

Алина.

— Алина, ты просто обязана навестить тётю Цию в это воскресенье! — голосистый тон мамы, пробивающийся сквозь динамик новейшего смартфона, обладал удивительным свойством: он заполнял собой всё пространство моей безупречно белой, идеальной и стерильной спальни. — И не забудь надеть то вечернее платье от Valentino, которое мы покупали в Милане. Помнишь его? Нежно-персиковое, с открытой спиной! У Цили в гостях будет один очень перспективный молодой человек... Сын губернатора или какого-то крупного чиновника из министерства. Как же его зовут? Впрочем, неважно! Главное — у него блестящее будущее в девелопменте, и его семья ищет ему правильную партию.

Я тихо вздохнула, откидываясь на шёлковые подушки и разглядывая свой свежий маникюр — аккуратный, нюдовый, выглядящий намеренно просто, хотя его стоимость равнялась месячному окладу обычного школьного учителя.

Valentino, тётя Циля, сыновья сенаторов, светские рауты и обсуждение инвестиционных портфелей за бокалом шампанского... Этот калейдоскоп блестящей, невероятно дорогой, но абсолютно чужой и мёртвой для меня жизни крутился перед глазами все двадцать четыре года. И сейчас я буквально физически ощущала, как от него тошнит.

— Мам, я занята в воскресенье, — соврала я, глядя на три огромных кожаных чемодана, уже упакованных и стоящих у стены рядом с гардеробной.

— Занята? Чем это, интересно? — в голосе матери мгновенно появились капризные нотки. — Опять своими глупыми курсами по ландшафтному дизайну? Аля, детка, это милое, очень изящное хобби для девушки нашего круга, но пора бы уже взрослеть и думать о будущем! Твой отец не вечен, его империю кому-то нужно уметь представлять в обществе. К тому же, после того как вы расстались с Артёмом...

— Мам, мне пора. Папа ждёт меня в кабинете, — резко перебила я её, сморщившись при одном лишь упоминании бывшего.

— Ну конечно, папа! Ты всегда сбегаешь к нему! Но запомни: платье от Valentino надень хотя бы на...

Я сбросила вызов прежде, чем мама успела договорить неизбежное: «Ты совершенно неблагодарная дочь». Это была неправда. Я была благодарна родителям. За образование, за возможности, за безопасность. Но эта благодарность в последние годы душила меня, точно слишком тугой, украшен-

ный бриллиантами чокер, от которого на коже оставался глубокий след.

Поднявшись с кровати, я в последний раз окинула взглядом свою комнату и направилась на первый этаж.

Отец ждал меня в своём кабинете — святая святых нашего трёхэтажного особняка на Рублёвке. Здесь царила особая атмосфера: пахло дорогим табаком, старой кожей и абсолютной, непререкаемой властью. Михаил Дмитриевич Воронцов — глава крупнейшего строительного холдинга «Воронцов Групп», человек, чей жест мог остановить стройку любого жилого комплекса в столице, сидел за монументальным столом из тёмного морёного дуба.

Но для меня он был не просто суровым бизнесменом. Он был человеком, который подарил мне моё самое необычное и любимое детство.

Когда я родилась, отец, мечтавший о сыне-наследнике, в шутку вздыхал над люлькой: *«Эх, родился бы пацан, я бы его с малых лет в гараже посадил, научил бы карбюратор перебирать, на трек бы вместе ездили...»* В роддоме все смеялись. Родственники ждали, что меня отдадут на балльные танцы или в классическую музыку. Но вышло иначе.

Строительство было бизнесом отца, а вот автомобили — его единственной и всепоглощающей страстью. У него была огромная коллекция: редчайшие спорткары, реставрированная классика, ретро-кабриолеты. Он сам ездил на закрытые треки и участвовал в выставках. И однажды, когда мне

исполнилось шесть лет, он просто взял меня с собой в свой огромный, отапливаемый двухэтажный гараж-мастерскую.

Сначала я просто сидела на высоком стуле и болтала ногами, наблюдая за ним. Потом начала задавать вопросы: *«Пан, а зачем эта штука? А почему мотор так рычит? А что будет, если повернуть вот этот рычаг?»* В какой-то момент я попросила сама подержать тяжёлый гаечный ключ. А к тринадцати годам я знала устройство двигателей внутреннего сгорания лучше, чем школьную программу по физике.

Это стало нашей общей тайной, нашим ритуалом. Пока мама возила меня по стилистам, отец учил меня слушать работу цилиндров, менять масло, зачищать свечи и спорить с ним до хрипоты о том, какая трансмиссия лучше. Я была его «пацаном», его лучшим другом.

И именно поэтому мне было так больно делать то, что я задумала.

— Аля, заходи, — отец поднял голову от чертежей и тепло улыбнулся. Эта улыбка предназначалась исключительно мне, для всего остального мира у Михаила Воронцова был жёсткий оскал акулы. — Садись. Как раз хотел с тобой кое-что обсудить. Ты видела новый проект коттеджного посёлка под Истрой? Я подумал, ты могла бы применить свой диплом ландшафтного архитектора. Возьмёшь на себя парковую зону и озеленение. Пора потихоньку включаться в процессы холдинга.

Я села в глубокое кожаное кресло напротив него, сложив

руки на коленях.

— Пап, я пришла поговорить. И... я не буду заниматься проектом под Истрой.

Отец замер, отложив золотую ручку. Его взгляд мгновенно изменился — стал внимательным, цепким, оценивающим.

— Почему? Если это из-за Артёма...

— Нет, пап. Не из-за него, — я выдохнула, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Артём. Мой бывший парень, с которым мы расстались три месяца назад. Когда мы начинали встречаться, мне казалось, что он видит во мне меня — Алю, которая любит запах бензина, громкую музыку и искренний хохот. А потом я случайно услышала его разговор с другом в клубе. Артём с упоением рассказывал, какие инвестиции его бизнес получит после нашей свадьбы и как удачно он «вложился в дочь Воронцова». Это было самое мерзкое, самое отвратительное чувство в моей жизни. Я ощутила себя не человеком, а дорогой акцией.

— Я просто устала, пап, — тихо ответила я. — Устала от этой фальши. От парней, которые сначала улыбаются мне, а потом начинают считать нули на твоих счетах. От маминых попыток выдать меня замуж за «перспективных сыновей». От того, что меня никто не воспринимает как самостоятельного человека. Я хочу уехать.

— Уехать? Куда? В Лондон? В Париж? — отец нахмурил-

ся.

— В деревню, — отрезала я. — В самую настоящую глушь. Я купила через интернет маленький дом в местечке под названием Кривые Берёзки. У меня диплом ландшафтного архитектора. Я хочу найти старый, запущенный сад и попытаться восстановить его сама. Своими руками. Без твоих денег, без твоих связей и без твоей фамилии.

В кабинете повисла тишина. Я видела, как в голове отца проносятся мысли — от желания запереть меня дома до лёгкого шока.

— В деревню? — медленно переспросил он. — Алина, ты с ума сошла? Да ты же... ты же иголку в руках держать не умеешь! Вспомни, как ты пыталась пришить пуговицу на пальто — ты же сломала иглу и проткнула себе палец!

— Зато я могу перебрать карбюратор в темноте и уложить на лопатки любого, кто попытается ко мне пристать! — упрямо буркнула я.

И это тоже была правда. Отец с детства безумно переживал за мою безопасность. Не потому, что считал меня слабой, а потому что отлично понимал: единственная дочь миллиардера — это всегда мишень для шантажистов, альфонсов и просто неадекватных людей. По его настоянию с четырнадцати лет я занималась крав-мага — жёсткой системой самообороны. Я сопротивлялась, прогуливала, но тренер был неумолим. В итоге я научилась драться так, что могла справиться с захватом мужчины, который был тяжелее меня раза

в два.

А вот танцы... Танцы были уже только моими. Втайне от мамы с её балетом я годы ходила в закрытую урбан-студию, занималась street dance и современной хореографией. Моё тело было сильным, гибким и послушным. Я могла выдать сложнейшую связку на паркете, выбить дерзкий ритм, поставить на уши любой импровизированный баттл, но пришить банальную заплатку для меня было сложнее, чем перебрать коробку передач.

Отец долго смотрел на меня. В нём боролись строгий босс и любящий папа.

— Хорошо, — наконец произнёс он, и я едва не подпрыгнула от неожиданности. — Ты упрямая. Вся в меня. Но у меня условия. Я не даю тебе денег. Ты берёшь с собой свою безлимитную карту, на случай экстренной катастрофы, медицинских вопросов или реальной опасности. Но жить ты будешь на то, что зарабатываешь сама. И... никакой охраны. Если ты так хочешь проверить себя.

— Спасибо, пап, — я порывисто обняла его за плечи. Он крепко сжал меня в ответ.

— Смотри мне, Аля. Деревня — это не альпийская сказка. Позвонишь, если станет совсем тяжело?

— Позвоню. Обещаю.

...Город я покидала на рассвете. Свой новенький ярко-красный «Мерседес» я оставить в паркинге не могла, слишком заметная машина для глухой деревни. Поэтому я

совершила гениальную и очень смешную аферу. У нашего помощника по хозяйству был старый, потрёпанный «Ниссан» 2010 года — помятый, с царапинами на бампере, но с идеально работающим двигателем. А у его девушки была давняя мечта: брендовое вечернее платье.

Обмен «платье Valentino на старый хэтчбек» состоялся прямо у ворот особняка. Парень смотрел на меня как на сумасшедшую, но ключи отдал без колебаний.

Дорога до Кривых Берёзок заняла почти восемь часов. Чем дальше я уезжала от МКАДа, тем хуже становился асфальт, пока наконец не сменился пыльной, извилистой грунтовкой. Мой «Ниссан» раскачивался на ухабах, но упорно полз вперёд.

Тишина в Кривых Берёзках оказалась почти оглушительной после шумной трассы. За окнами «Ниссана» потянулся густой запах скошенной травы, печного дыма и речной сырости. Деревушка действительно раскинулась прямо в излучине широкой, зеркальной реки, а вдоль извилистой грунтовки ровными рядами стояли старые берёзы, чудно изогнутые ветром — будто наклонялись к самой воде.

Мой новый дом, который я на прошлой неделе купила онлайн буквально за пару кликов мышкой, оказался крошечным, с покосившейся резной наличницей и деревянным крыльцом, которое жалобно скрипело под ногами. Для меня эта покупка была просто мелкой транзакцией, а вот в реальности всё выглядело куда суровее. Внутри пахло сухой тра-

вой, пылью и старым деревом. Из мебели — крепкий дубовый стол, панцирная кровать и пара стульев. Но за домом тянулся огромный, дикий, заросший густым кустарником и старыми яблонями сад. Увидев его, я поняла: я дома.

— Эй, милая! Ты кто ж такая будете? — раздался у калитки бодрый, чуть дребезжащий голос.

Я вышла на крыльцо. У забора стояла сухонькая, но невероятно шустрая старушка в цветастом платке и огромных резиновых сапогах. В руках она держала миску, накрытую полотенцем.

Это была баба Нюра — местный главный информационный центр. За пятнадцать минут она успела вывалить на меня историю всей деревни, рассказывая, кто с кем ссорится, у кого корова перестала давать молоко и где лучше покупать домашнее яйцо.

— Городская, значит. Ну-ну, — баба Нюра со скепсисом оглядела мои белые кроссовки и джинсы. — Дом-то развалится! Крыльцо со дня на день рухнет, а в погребе, поди, вода. Ярик, конечно, парень рукастый, мог бы помочь, но к тебе не пойдёт — у него на пилораме смены тяжёлые.

— Ярик? — переспросила я, принимая из её рук миску с пышущими жаром пирожками с картошкой.

— Да вот, несколько дней как приехал! — охотно пояснила баба Нюра. — Снял комнату у меня. Молчит всё время, на пилораме пашет как проклятый. Наглый немного, глазами так и сверкает, но дело знает. А машина у него... Ой, горе од-

но! «Жигули» старые, дымят, чихают, вот-вот рассыплются.

— Понятно, — улыбнулась я, мысленно сделав пометку, что помощь «рукастого Ярика» мне точно не нужна. Я приехала сюда справляться сама.

Поблагодарив бабу Ньюру и съев два самых вкусных пирожка в своей жизни, я решила съездить в местный единственный магазин — купить чаю, соли и минимальный набор продуктов.

Поставив чемоданы, я села за руль «Ниссана» и поехала по узкой грунтовке. Баба Ньюра объяснила путь: «Мимо пилорамы Ярика, прямо к излучине реки, а там повернёшь».

Солнце уже клонилось к закату, заливая реку и луга сумасшедшим, золотисто-розовым светом. Я засмотрелась на эту красоту, на минуту отвлеклась от дороги и... ощутила жесточайший удар.

Колесо с глухим стуком ухнуло в глубокую яму, скрытую под широкой, грязной лужей. Машина резко накренилась.

Удар пришёлся прямо в правое колесо. По звуку — ничего хорошего. Похоже, что-то с приводом или подвеской. Ехать она дальше явно не собиралась.

Я заглушила двигатель, выдохнула и вышла на пыльную дорогу. Белоснежные кроссовки мгновенно погрузились в липкую деревенскую глину.

Обойдя капот, я засучила рукава своего серого худи и присела на корточки у крыла, пытаясь оценить масштаб бедствия снизу. Ситуация была донельзя глупой: увязнуть в пер-

вой же луже. В кармане у меня лежала безлимитная карта, так что я могла без проблем вызвать эвакуатор прямо из столицы, но воспользоваться ей я не могла. Гордость не позволяла. Просить о помощи вообще было не в моих правилах.

И именно в этот момент сзади раздался громкий скрип старых тормозов и оглушительный хлопок глушителя.

Серо-бурый, изрядно помятый «жигулёнок» седьмой модели остановился в пяти метрах от меня и тут же заглох. Из него вылез парень.

На нём была потёртая кожаная куртка, простые тёмные джинсы и пыльные тяжёлые ботинки. Тёмные волосы были небрежно растрёпаны ветром, а карие глаза смотрели на меня с явной, наглой усмешкой.

Я покосилась на его старенькие «Жигули» и вспомнила слова бабы Нюры.

Вот и Ярик с пилорамы.

Он двигался совсем не как обычный деревенский парень. Слишком легко, слишком собранно. Даже остановившись, будто всё равно оставался в готовности действовать: быстрый взгляд по дороге, по моей машине, по мне.

Странный тип.

Ярик опёрся локтем о крышу своих «Жигулей», скрестил руки на груди, смерил меня и мой увязший «Ниссан» длинным, оценивающим взглядом и с лёгким превосходством произнёс:

— Помощь нужна?

Я выпрямилась и откинула длинную косу за спину. Скрестила руки на груди абсолютно так же, как и он. Мой внутренний механик точно знал, что машина встала всерьёз, но показывать слабость перед этим наглым типом я не собиралась.

— Сама справлюсь, — отрезала я, смерив его самым холодным и уверенным взглядом, на который только была способна.

Он едва заметно изогнул бровь. В его глазах прочиталась наглая насмешка.

Глава 2.

Ярослав.

— Или ты женишься до тридцати на нормальной, стоящей женщине, которая не смотрит на твой банковский счёт, или кресло генерального директора сменит владельца, — отец даже не поднял глаз от документов. — Я не доведу компанию до ручки из-за того, что мой единственный сын проводит жизнь в компании охотниц за золотом.

Слова Виктора Семёновича Золотова до сих пор звенели у меня в ушах. Не потому, что мысль потерять кресло пугала меня до дрожи, я пять лет пахал на холдинг по четырнадцать часов в сутки и знал, чего стою. Бесило другое: старик был прав. Я и сам смертельно устал от светских львиц, у которых вместо глаз были калькуляторы. Пара недель искренней любви, а потом тонкие намёки на новую сумку Birkin, украшения и машину посвежее.

Отец даже успел приплести Михаила Воронцова — своего давнего компаньона. Мол, тот единственную дочь от всего этого цирка держит подальше, а я сам таскаю за собой очередную охотницу за деньгами. Я знал, что у Воронцова есть дочь, но лично мы никогда не пересекались: разные компании, разные маршруты. Да и слушать отцовские нотации про семейный бизнес Воронцовых мне хотелось меньше всего.

В тот же вечер я поехал к Дэнчику. Дэн — единственный

человек из моего прошлого, с которым меня связывали не бизнес-интересы, а годы совместных передраг. Он был редким раздолбаем, умел гулять так, будто завтрашний день не наступит, но оставался единственным, кто мог без купюр высказать мне в лицо правду.

Мы сидели в моей гостиной. На столе стояла бутылка элитного виски. Я хмуро цедил напиток, а Дэнчик к полуночи успел освоить добрую половину бутылки.

— Тебе нормальную бабу надо, — в очередной раз выдал Дэн, развалившись на диване.

— Спасибо, Кэп, — буркнул я, разглядывая янтарную жидкость в стакане.

— Не, я серьёзно. Нормальную. Не из этих.

Дэн неопределенно взмахнул рукой куда-то в сторону панорамного окна, за которым сиял огнями ночной мегаполис.

— Каких «этих»?

— Которые тебя любят до тех пор, пока не узнают, сколько у тебя денег, — Дэнчик с назидательным видом подмигнул мне. — А потом любят ещё сильнее.

Я мрачно усмехнулся. В точку.

— И где я должен найти другую?

Дэн задумчиво уставился в потолок.

— В деревне.

— Что? — я перевел на него взгляд.

— В деревне! — с нарастающим восторгом повторил Дэнчик и осмотрительно налил себе еще полстакана.

— Ты совсем умом тронулся?

— Нет. Я гений.

Он сделал внушительный глоток и подался вперед:

— Покупаешь ведро на колёсах...

— Машину?

— Я сказал — ведро на колёсах, — строго перебил он. —

Не придирайся к терминологии, Золотов.

А дальше Дэнчика окончательно понесло в область пьяной поэзии:

— И вот там... среди природы...

— Господи, — я прикрыл глаза ладонью.

— Ты молчи! Я чувствую сюжет!

— Какой ещё сюжет?

— Твоя судьба, Ярик! Стоит она, значит, у колодца...

— Почему у колодца?

— Потому что где ей ещё стоять?!

— Не знаю.

— С коромыслом! — воодушевленно провозгласил Дэн.

— Конечно.

— Косища вот такая... до пояса! — он махнул рукой. —

Щёчки розовые. Сарафан.

— Может, ещё кокошник? — не удержался я.

— Не перебивай художника! — возмутился Дэнчик. —

Едешь в Кривые Берёзки! Там нормальные девки водятся.

— Почему именно туда?

— Потому что если уж берёзы там кривые, значит, люди

должны быть нормальные! Логика!

Тогда я просто посмеялся. Но на следующее утро понял: а ведь в этом бреду есть зерно. Пари с самим собой: найти девушку, которая посмотрит на меня без подшивки Forbes, и утереть нос отцу.

Сказано — сделано. Купил у какого-то деда за копейки серо-бурую «семерку». Одежду подбирал въедливо: простые джинсы, поношенная куртка без единого ярлыка или брендовой бирки — так, чтобы даже самый внимательный глаз не заподозрил дорогой шоппинг. Для связи взял дешевый, простейший кнопочный телефон. Исключительно для легенды.

И вот уже три дня я жил в Берёзках. Снял комнату у бабы Нюры, нанялся на пилораму. За эти дни я успел познакомиться с местными, понять, кто с кем дружит, кто кому приходится родственником, и убедиться, что искать здесь любовь по совету Дэнчика — занятие сомнительное. Обычно-го работягу я отыгрывал на все сто, но главной проблемой оставалась еда. Повар из меня был нулевой. Уже в первый вечер я сжег яичницу вместе со сковородой, вызвав хохот бабы Нюры. Признаться, что я не умею даже макароны сварить, не позволяла гордость, поэтому я перебивался старушкиными пирожками и сухим пайком, делая вид, что просто не голоден.

Дешевый телефон в кармане зажужжал, когда я возвращался со смены, вымотанный и покрытый древесной пылью. На маленьком экране светилось имя «Дэнчик».

— Ярик, ты где? — раздался в динамике голос друга.

— В Берёзках, — спокойно ответил я, сворачивая на грунтовку.

На том конце провода повисла пауза.

— Ты... реально поехал?

— А ты сам говорил, что это гениальный план.

— Я был пьян! — заорал Дэнчик.

— А я отчаянный, — хмыкнул я. — Всё, Дэн, отбой.

Затормозив у дома бабы Нюры, я вышел ополоснуть лицо у рукомойника. Старушка тут же выскочила на крыльцо:

— Ярик, милоч! В дом у реки жиличка въехала. Чемоданов натащила! Смотри, не обижай девку. И машина у неё... помятая какая-то.

— Да сдалась она мне, баб Нюр, — буркнул я.

Перекусив пирожками, я решил съездить к реке — смыть со смены въевшуюся стружку. «Семерка» завелась с третьей попытки, огласив окрестности привычным грохотом.

Солнце уходило за горизонт. Я неторопливо катил по грунтовке, пока на повороте у самой воды не увидел картину маслом: хэтчбэк плотно ухнул правым передним колесом в глубокую грязевую яму.

Я затормозил в пяти метрах от неё, и моя «ласточка» на прощание громко выстрелила глушителем, после чего заглохла.

Из салона вылезла девчонка.

Никакого сарафана или коромысла. На ней были простые

джинсы и серый объёмный худи, зато густая золотисто-медовая коса доходила почти до бёдер. Дэнчик, зараза, со своей пьяной деревенской романтикой оказался не так уж далёк от истины.

Она присела у крыла, засучив рукава.

Я вылез из «Жигулей» и невольно задержал на ней взгляд. Девчонка была хороша — подтянутая, с упрямо вздёрнутым подбородком и таким выражением лица, будто уже заранее решила никому здесь не позволять собой командовать.

Я оперся локтем о крышу своего авто, скрестил руки на груди и спросил:

— Помощь нужна?

Она выпрямилась. Откинула длинную косу за спину и скрестила руки на груди точно так же, как я.

— Сама справлюсь, — отрезала она. Голос звучал сухо и уверенно.

— Серьёзно? — хмыкнул я, рассматривая, как её белоснежные кроссовки увязают в глиняной каше. — Ты посадила машину на брюхо, колесо висит в воздухе. Домкрат под такой тушей хрен нормально поставишь — упрётся в грязь и уйдёт в сторону.

Она смерила меня быстрым, цепким взглядом, потом посмотрела на «семёрку» за моей спиной.

— Под домкрат кладётся доска, спаситель. Так что можешь ехать дальше, я не пропаду.

Я сразу отметил этот момент: девчонка не просто не рас-

терялась, а сразу поняла, что делать. Никаких слёз, никаких «ой, у меня колёсико застряло».

— Доска у бабы Нюры во дворе, метрах в пятистах отсюда, — я наигранно задумался, почесав затылок. — А местный тракторист дядя Коля сейчас на том берегу допивает вторую бутылку. Так что варианты у тебя простые: либо ты до ночи копаешься в грязи и гробишь кроссовки, либо даёшь мне пять минут.

— Третий вариант: ты перестаёшь маячить у меня перед глазами и не мешаешь работать, — парировала она, даже не моргнув. — Справлюсь без группы поддержки.

— Ну-ну, — я покосился на её «Ниссан», потом снова на неё. — Я просто постою и посмотрю на этот аттракцион.

Глава 3.

Алина.

Если бы мне кто-то сказал пару дней назад, что я буду сидеть в вечерних сумерках посреди размытой деревенской дороги, увязая белоснежными кроссовками в глиняной каше, а над душой у меня будет стоять наглый тип с пилорамы и выдавать «бесценные» советы, я бы просто посмеялась.

Но сейчас мне было вообще не до смеха. Автомобиль прочно сел правым колесом в глубокую промоину. Вечерний воздух у реки быстро остывал, принося свежесть и запах мокрой травы, но у меня внутри всё горело от злости. И в первую очередь на саму себя. Загляделась на закат, не рассчитала угол поворота, и вот результат.

Я достала из багажника металлический ромбовидный домкрат и плоский обрубок доски.

— На этой жиже домкрат увезёт, — донесся сверху ленивый, уверенный голос парня. — У тебя там под колесом не сухой грунт, а чистый кисель. Сейчас начнешь крутить, он уйдет в сторону и долбанет тебе прямо по порогу. Память порог на таком авто дело нехитрое, потом кузовщиков заму-чаешься искать.

Я даже не повернулась, лишь сильнее сжала холодный металл.

— Я в курсе, как работает физика, — сухо отозвалась я,

укладывая доску на грязь и вминая её носком кроссовка, чтобы создать плотную площадку.

— Ого, — искренне удивился он. — Даже доска нашлась. А я уж думал, ты решишь задействовать магию вне Хогвартса.

— Ты уехать собирался, — я мельком посмотрела на него снизу вверх. — Автодорога в той стороне. Передавай привет дяде Коле на тракторе.

Парень даже не шелохнулся. Напротив, с удобством переступил с ноги на ногу. В полутьме я разглядела его лицо: взъерошенные темные волосы, вымазанная древесной пылью рабочая куртка, но при этом абсолютно не деревенская, цепкая осанка и наглая ухмылка.

— Не-е, — протянул он. — Вдруг ты тут всё-таки уронишь машину себе на ноги? На мне потом местная полиция грех оставит: скажут, видел беспомощную девицу и уехал. Я парень законопослушный.

Я выпрямилась, уперла руки в бока и смерила его самым ледяным взглядом, на который только была способна.

— Я не беспомощная. И если ты не заметил, я занята.

— Заметил, — кивнул этот фрукт. — Ты занята тем, что пытаешься установить домкрат вверх ногами.

Я замерла. Внутри всё похолодело, неужели от стресса перепутала лапы? Быстро опустила взгляд на железяку в своих руках, оценила положение винта, осознала, что парень надо мной просто нагло издевается, и сжала губы.

— Ты идиот? — предельно спокойно спросила я.

— Просто проверял твою внимательность, — со всей душевной щедростью ухмыльнулся он. — Оценка «отлично». Продолжайте, гражданочка.

Я закрыла глаза и про себя досчитала до пяти. *Не обращай внимания, Алина. Он просто хочет тебя выбесить.*

Опустившись к колесу, я установила домкрат на доску и начала крутить рукоятку. Металл заскрипел. «Ниссан» чуть приподнялся, но жижка под упором чавкнула, и машина предательски поползла влево. Я успела отдернуть пальцы в самую последнюю секунду перед тем, как домкрат покосился.

Парень сверху выдохнул с тяжёлым, театральным вздохом.

— Ну я же говорил. Упрямство — это прекрасный двигатель прогресса, но против законов гравитации оно работает со сбоями.

— Заткнись, а? — вся моя выдержка полетела к чертям. — У тебя есть другие варианты, кроме как стоять тут и работать радиоприемником?

— Есть, — он наконец отлепился от своей «семерки» и в два широких шага сократил расстояние между нами, наступив прямо в грязь. — Называется «нормальная мужская сила». Выпрями домкрат.

Он упёрся плечом в крыло, придерживая машину от дальнейшего крена, пока я вытаскивала покосившийся домкрат. Я не стала терять время на споры, ловко вытащила застряв-

ший домкрат и переставила доску глубже под основание домкрата, где грунт был чуть плотнее.

— Подай доску, — бросила я, указывая подбородком на второй деревянный брусок у заднего бампера.

Он нагнулся, поднял деревяшку и протянул мне, явно напрашиваясь на подколку:

— А как же «сама справлюсь»?

Я выхватила у него брусок, аккуратно подсовывая его прямо под висящее в воздухе колесо.

— Я не сказала «не помогай», — отрезала я, выравнивая платформу. — Я сказала «не мешай».

— Уже прогресс, — усмехнулся он.

Парень без тени сомнения опустился рядом со мной на одно колено прямо в грязь, ничуть не заботясь о своих и без того поношенных джинсах. Я вытащила из кармана худи небольшой светодиодный фонарик и ткнула им ему в грудь.

— Держи фонарь.

— Чего?

— Свети под арку, спаситель.

Парень взял фонарик, направляя луч под крыло.

— Куда? — уточнил он.

— Сюда. Нет, ниже. Ещё. Вот, прямо на чашку амортизатора.

Я накинула пару досок под протектор, проверяя рукой плотность укладки. Поймала на себе его внимательный, въедливый взгляд. Он разглядывал меня так, будто у меня

только что выросла вторая голова.

— Ты точно не первый раз под машиной, — в его голосе проскользнуло нешуточное удивление.

Я ритмично вращала рукоятку, чувствуя, как кузов наконец плотно садится на подложенные доски, и даже не подняла головы:

— А ты точно не первый раз стоишь рядом и командуешь.

Он неожиданно тихо хохотнул. Голос у него был приятный, с грудным бархатным тоном, хоть и ужасно раздражающий своей самоуверенностью.

— Так, хорош, — я поднялась на ноги, отряхивая испачканные ладони. — Под колесом упор есть. Теперь заводи свою колымагу.

— Зачем это? — перестал улыбаться он.

— Затем, что если я начну выезжать сама, передок снова снесет в колею. Нужен трос и легкая тяга внатяжку. У тебя же есть трос в этом раритете?

— Трос у меня есть, — медленно проговорил он, сбрасывая грязь с ботинка. — Но за «колымагу» моя «семерка» может и обидеться. Она вообще-то дама чувствительная.

— Судя по выстрелу глушителя, когда ты подъезжал, у твоей «дамы» явно не всё в порядке с зажиганием, — отрезала я. — Так что заводи и не умничай.

Он ничего не ответил, только покачал головой, но трос зацепить помог.

Через пять минут всё было кончено. Его старая «семер-

ка», взревев и выбросив сизый дым, аккуратно вытащила мой автомобиль на ровную, сухую грунтовку.

Я отцепила трос, свернула его и посмотрела на свои руки. Они были черными от маслянистой деревенской грязи, а белоснежные кроссовки превратились в два увесистых глиняных комка.

— Ну и вид, — поморщилась я.

— Река в десяти метрах, — спаситель махнул рукой в сторону поросшего ивами берега, от которого веяло приятной прохладой. — Я вообще-то именно туда и ехал — смыть пыль после смены. Так что если хочешь привести в порядок свои царские кроссы, лучше места не найти.

Я критически посмотрела на испачканные кроссовки и руки, потом на темнеющую гладь воды. Логика в его словах была.

— Ладно, — буркнула я.

Мы спустились по небольшой пологой тропинке прямо к воде. Река здесь была широкой, с чистым песчаным дном у самого берега. Я присела на плоский камень у воды. Набрала в ладони прохладной, почти ледяной воды и с наслаждением принялась смывать грязь с рук, оттирая вьевшуюся копоть.

За спиной раздался шорох ткани.

Я обернулась. Мой наглый спутник без лишних реверансов скинул на траву свою поношенную рабочую куртку и потянул через голову выцветшую футболку.

В полутьме сумерек мелькнул четкий разворот широких

плеч и подтянутый пресс. У меня на секунду замерли руки. Ничего себе работяга... — мелькнуло в голове прежде, чем я успела себя остановить. Я тут же мысленно разозлилась на себя за эту дурацкую реакцию и с двойным усердием вернулась к оттиранию грязи с кроссовок.

Парень, не обращая на меня внимания, сбросил тяжелые ботинки и в одних спортивных шортах с разбегу зашел в воду. Выдал короткий, довольный выдох, набрал полную грудь воздуха и с плеском занырнул на глубину.

Через пару секунд его голова показалась метрах в пяти от берега. Он откинул мокрые волосы назад и фыркнул, словно довольный тюлень.

— Вода — атас! — крикнул он мне. — Смывает всю дрянь за день! Точно не хочешь окунуться?

— Я воздержусь, — как можно ровнее ответила я, усердно оттирая мокрой тряпкой носок кроссовка.

Он хохотнул, сделав ещё пару мощных гребков, выскочил на мелководье и подошёл ближе, вытирая лицо оставленной на берегу футболкой. Наглая ухмылка снова вернулась на его лицо.

— Ну что, механик, — протянул он с ленивой грацией. — Кофе за спасение мне теперь точно положен.

— За спасение чего? — спросила я, поднимаясь с камня.

— За спасение твоей машины.

— Я её сама спасла.

— А трос?

— Мой.

— А «семёрка»?

— Твоя.

— Вот! — довольно заключил он. — Значит, без меня всё-таки не обошлось.

— Не льсти себе. Твоя главная заслуга: не уехал, когда я тебя просила.

— Это называется настойчивость.

— Это называется «мешался под ногами».

— А ты всегда такая благодарная?

— Только с незнакомыми мужчинами в мокрых шортах.

Он искренне рассмеялся.

— Значит, у меня ещё есть шанс перейти в категорию знакомых? Меня Ярик зовут.

Я сделала паузу, недоверчиво посмотрев на него:

— Это имя?

— Представь себе, — хмыкнул он. — Полная версия — Ярослав. Но для тех, кто спасает меня от скуки по вечерам, просто Ярик.

— Алина.

— Алина... — он тихо повторил имя. — Красивое.

— Знаю.

Он усмехнулся:

— Скромность тоже присутствует.

— В полном комплекте, — отрезала я.

Ополоснув кроссовки в проточной воде и оттерев остатки

глины, я обулась обратно и поднялась по тропинке к своей машине.

До своего нового дома я добралась уже в полной темноте, ползя по деревенской улице на первой передаче и до смерти боясь снова влететь колесом в какую-нибудь незаметную промоину. Ехать на машине по этим ухабам, цепляя заборные доски и свисающие ветки — сплошное мучение. Подвеску жутко жалко.

Заперев ворота, я прошла в дом, наскоро перекусила захваченным еще из города энергетическим батончиком, смыла под душем усталость и наконец забралась под теплое одеяло.

Уже засыпая под тихий шум старых деревьев за окном, я смотрела в потолок. В голове ни с того ни с сего снова всплывал этот силуэт у реки: широкие рельефные плечи, влажная футболка в руках и эта невыносимая, наглая ухмылка.

«Ярик... — подумала я, закрывая глаза. — Наглый, самовлюбленный идиот. Но с тросом сообразил быстро... И фигура у него, чёрт возьми, абсолютно нелегальная для этой глуши».

А завтра с утра нужно будет первым делом узнать, где в этой деревне можно достать нормальный велосипед. Потому что если я продолжу убивать здесь свою машину на каждом шагу, я останусь без колёс в первый же месяц.

Глава 4.

Ярослав.

Утро после знакомства началось не с кофе. Оно началось с того, что мой правый рабочий ботинок сочным чавканьем попросил каши, а «семерка» наотрез отказалась заводиться с первого раза. Глушитель выстрелил в утренней тишине двора так, что с соседского забора взлетели сонные куры.

— И ведь права оказалась, язва городская... — проворчал я про себя, вспомнив вчерашние слова Алины насчёт зажигания.

Странная девчонка. Я-то предполагал увидеть привычную девицу, которая при первом же натяжении троса начнет драматично заламывать руки и судорожно искать номер эвакуатора. А она мало того что в механике разбирается получше некоторых, так ещё и на мои обычные подколы не повелась. Ни испуга, ни кокетства. Только ледяной взгляд и абсолютная уверенность в себе.

На пилораме уже всюду орали дисковые пилы. Воздух пропитался сосновым соком и густой древесной пылью. Я переоделся в каптерке и сразу пошел на платформу. Бригадир, кряжистый дядька с усами, сразу бросил меня на подсобку.

К полудню на старой ленточной пиле заклинило подающий механизм. Бригадир выругался, собираясь вызывать

слесаря и останавливать смену на полдня. Я подошёл, посмотрел на натяжитель и быстро понял, где проблема.

— Смотри, здесь зазор ушёл, — показал я. — Если подтянуть, должно заработать.

Бригадир хмыкнул, сам полез к механизму и через несколько минут снова запустил пилу.

— Ого, — бригадир уважительно смерил меня взглядом. — А ты, Ярик, оказывается, сообразительный малый.

— Жизнь заставит — не так раскорячишься, — отшутился я, вытирая пот со лба.

В обед выдали первый расчёт. Когда я подержал в руках эти три скромные бумажки, у меня чуть глаз не выпал. Это были не деньги, это были слёзы.

Сидя на бревне и разглядывая свою оторванную подошву, которую пришлось временно примотать найденной в мусоре проволокой, я впервые осознал всю прелесть своего эксперимента.

Итак, вводные: наличных — ровно на хлеб, крупу и пару пачек макарон. Запчасти для «семерки» нужны прямо вчера. Ботинки соревнуются с моей колымагой, что развалится раньше.

И ради чего я, спрашивается, добровольно отказался от нормальной жизни? — подумал я, злясь на самого себя. Стоило достать из тайника в машине телефон, провести пальцем по экрану, и через пару часов у меня были бы новые «Тимберленды», запчасти с доставкой и ужин из премиаль-

ного ресторана. Но легенду ломать было нельзя. Деревня — это аквариум, тут любой перевод по карте или новая вещь сразу вызовут кучу вопросов у бабы Нюры, у которой я снимал угол.

Около двух часов дня возле ворот пилорамы возникло движение.

Я оттаскивал свежие сосновые брусья, весь в опилках и поте, когда заметил знакомую фигуру. Алина.

На ней были простые джинсы, худи и те самые кроссовки, которые она вчера оттирала у реки. Но главное, она катила рядом с собой старый, слегка ржавый велосипед с плетёнкой на руле. Видимо, где-то у местных раздобыла.

Остановившись у конторы, она о чём-то спокойно спрашивала дежурного старика. Ни задирания носа, ни жеманства — просто разговаривала с местными и явно пыталась наладить свой быт самостоятельно.

Значит, не приехала сюда на неделю... — подумал я, на мгновение зависнув с брусом в руках. — *Сама пытается устроиться. Респект.*

Алина обернулась и заметила меня. Её взгляд задержался на моих забитых опилками волосах, грязных руках и порванном ботинке. Никакой насмешки, только быстрое, оценивающее удивление. Кажется, сегодняшний вид с опилками в волосах и дырявым ботинком слегка изменил её первое впечатление обо мне.

Я бросил брус, вытер руки о робу и не спеша подошел к

забору.

— Что, опять машину угробила? — сходу выдал я свою привычную ухмылку.

— Нет, — она ровно смерила меня взглядом, упершись руками в руль своего ржавого транспорта. — Сегодня я решила пожалеть её и приехала пешком. Точнее, на двух колесах.

— Прогресс, — хмыкнул я, опершись о столбик. — Зато подвеска целая.

— Не радуйся. Это не из-за твоих советов, — отрезала она, хотя уголок её губ предательски дернулся.

— А ты за велом приехала или за строительными материалами?

— Искала, где тут можно доски для стеллажа купить. А дедушка сказал, что пилорама как раз здесь.

— Доски — это ко мне, — я кивнул в сторону склада. — Только сегодня не отгружаем, машина за досками не пришла. Завтра заезжай, подберём тебе самые ровные доски.

— Посмотрим на твой сервис, — хмыкнула она, поправляя руль. — Ладно, не буду отвлекать от станка, спаситель.

— До завтра, Алина.

Она покатила свой велосипед дальше по улице, а я стоял у забора и смотрел ей вслед. В ней было что-то настоящее — то, чего я пока не мог чётко определить. И мне, чёрт возьми, всё сильнее хотелось узнать, её получше.

К вечеру желудок начал петь арии. Заходить на кухню к

бабе Нюре и третий день подряд изображать, что меня вполне устраивают её макароны с тушёнкой, я уже не мог.

Я собрал пустую корзину, стоящую в сениях, и выскочил на крыльцо.

— Ты куда это на ночь глядя? — окликнула меня баба Нюра из огорода.

— В лес, — бодро соврал я. — Грибов наберу на ужин.

Старуха критически смерила меня взглядом:

— Ты хоть грибы от поганок отличаешь, городчанин?

— После целого дня на пилораме уже всё, что растёт, съедобным кажется! — хохотнул я.

— Ну-ну, — качнула головой баба Нюра. — У тебя лицо человека, которого грибы сами стороной обходят.

Я быстро зашагал в сторону леса. Как только деревня осталась за спиной, а тропинка уперлась в густые кусты у старой лесной дороги, я огляделся.

Никого.

Достав из кармана куртки второй телефон, я снял блокировку и набрал номер курьерской службы.

— Девушка, мне запечённую утку, два сета суши и двойной эспрессо. Точка доставки — лесополоса у знака «Кривые Берёзки». Буду ждать у поваленной сосны через час. Чаевые уже включены.

До ближайшего города отсюда было всего полчаса на машине, поэтому через полтора часа я сидел на мягком моховом пеньке в глубине леса, с нескрываемым блаженством

уминая ещё горячую утку прямо из термоконтейнера и запивая её нормальным, плотным кофе.

Вот теперь я снова человек... — с закрытыми глазами подумал я, вытирая пальцы влажной салфеткой. — *Чёрт с ней, с этой легендой, но умереть от голода в мои планы не входило.*

Упаковав все контейнеры, салфетки и стаканчик в герметичный пакет, я глубоко спрятал его в самый низ корзины, накрыл сверху несколькими случайными еловыми ветками для маскировки и зашагал обратно в деревню.

На самом выходе из леса, прямо у старого мостика, я чуть не столкнулся лоб в лоб с Алиной.

Она стояла у края дороги со своим велосипедом, похоже, у неё слетела цепь, и она пыталась аккуратно вернуть цепь на место, стараясь не измазать руки.

Увидев меня с пустой корзиной, она выпрямилась:

— Ну что, набрал грибов?

— Нет, — абсолютно спокойно ответил я. — Не сезон, видать.

Алина сделала шаг ближе, прищурилась и вдруг слегка повела носом. Выражение её лица сменилось с ироничного на глубоко озадаченное. Запах пряного соуса и хорошего кофе от моей куртки после сытного ужина никуда не делся.

— Странно... — медленно произнесла она, разглядывая меня. — Пахнет от тебя так, будто ты только что поужинал в хорошем азиатском ресторане.

Я замер, но тут же взял себя в руки:

— Это... дикая мята, — с самым честным видом соврал я, даже не моргнув. — И лесной орех. Тут микроклимат такой.

— Орех, значит. Ну-ну, — Алина с глубочайшим сомнением посмотрела на мою корзину, а потом снова склонилась над велосипедом.

— Подвинься, горе-механик, — я отставил корзину на траву и шагнул к ней. — Смотри, как это делается без лишних жертв.

— Я сама, — буркнула она, но отступила.

Я опу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.